

Зоя Дякина

Родилась в городе Ливны Орловской области. Закончила филологический факультет Орловского государственного университета. Работала корреспондентом, PR-менеджером, учителем русского языка и литературы, библиотекарем. Публиковалась в орловских газетах, альманахах «Орёл литературный» и «Новый Енисейский литератор», «Роман-журнале-21 век», коллективных сборниках «Благоухание доброты» и «Зеркало Пегаса» (Орёл).

ДОРОЖНАЯ МОЛИТВА

Помолюсь (кому, не знаю,
Да хотя бы звёздам тем),
Чтобы оторопь хмельная
Нас не мучила; затем –

Чтоб не спрашивал билета
Ни кондуктор, ни конвой,
Чтобы солнечное лето
Расцвело над головой,

Чтобы ни один попутчик
Не отстал на полпути,
Не пропал в песках зыбучих,
Чтоб внезапно не прийти

К ложу старого Прокруста,
Неменяющего лиц,
Чтоб – до реберного хруста! –
Жизни в косы заплелись,

Чтобы то, чего нам не дал
Ни Господь, ни чёрт, ни вор,
Промелькнуло, как комета:
Искра – больше ничего.

Зашептались окраины, листья шуршат
И дрожит под ногами проспект.
Что же делать, коль хочешь, чтоб город дышал,
И смеялся, и плакал, и пел?

Разлетаются улицы и тупики,
А мосты, точно птицы, парят,
И высотки насупленно, точно клыки,
Дружно строятся в ровненький ряд.

И когда перекрёстки вздыхают листвой,
 И когда не горят фонари,
 Тебе кажется: улицы ждали того,
 Кто бы их научил говорить.

Почему же никто не ответил тебе
 Ни на зов, ни на вызов, ни на
 Вдох и выдох, ни на безысходный забег
 Через улицы, сквозь времена?

Но замри – и услышишь, как город несёт
 Свою песню по всем этажам,
 Как деревья рассказывают обо всём
 Нарисованным на гаражах.

Присмотрись – и увидишь: ветра теребят,
 Точно юбки, соседский балкон.
 Что поделывать, коль город живёт без тебя,
 Объясняясь своим языком?

Не доплакав, не дотосковав
 По всему, что когда-нибудь было,
 По всему, что когда-нибудь ныло,
 Как больной крокодиловый зуб,
 Мы уйдём за крутой перевал,
 Даже если туда нет дороги,
 Даже если истоптаны ноги,
 А одежда промокла в грозу.

Мы уйдём, не взыскупя следов,
 В те края, что не знали донныне,
 Но они невозможно родными
 Показались – во сне ли, в бреду.
 Колокольчики тихо – динь-дон,
 И уже расцветают долины,
 И закат бесконечно малинов
 Там, куда я тихонько бреду...

ДУБИНУШКА

Всё будет представительно и мудро,
Надёжно, как законы силы тока:
Нас встретят звоном радостное утро
И розовая дымка на востоке.

Миры, мечты и золотые горы
Покажутся из бледного тумана.
Не позабыв о двух глотках кагора,
Мы вытащим ладони из карманов.

Надёжней ляжку на плечах закрепим,
Потянем вдаль, к невздам и тревогам.
Нас рисовал Илья покойный Репин,
Мы бурлаки на матушке на Волге.

Куда бы нас ни вывезла кривая
(Коктейли, рецептура, Ерофеев),
Мы тянем ляжку, песни напевая,
Считая пораженья и трофеи.

Так с наших грез (и этого не скроешь),
Как краска, оползает позолота...
Мы бурлаки последнего покроя,
Мы дураки высокого полёта.

Это горечь и страх,
Это пепел времён на устах,
Это лепот костра,
Обжигающая немота

Всех времён, всех имён,
И пространств, и тревог, и замен,
Это плеск за кормой
Корабля, что садится на мель,

Это трепет листвы,
Это холод внутри позвонков,
Это спящий ковыль,
Это облачное молоко,

Это теплый знойд-вест,
Это школьников суетный гам,
Караван каравелл,
Уносящих свой бег к берегам,

Это пик, это мыс,
Это крайняя точка пути –
Это то, чему мы
Не сумеем названье найти.

ЕЩЁ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ...

НАЗВАНИЕ ОДНОЙ ИЗ ЭКСПОЗИЦИЙ В МУЗЕЕ ОСВЕНЦИМА

Нет, ещё ничего не случилось, и только рассвет
Проходил над Берлином, раскрашивал в золото лавки.
Ничего не случилось, лишь улица, та, что правой, –
Не для вас. Но об этом, поверьте, не стоило плакать.

Ничего не случилось, но лучше не мучить кларнет,
Вечеру не беседовать громко о Данте и Росси.
Ничего не случилось, но лучше не ведать корней,
Лучше молча отдать и не ждать, что однажды попросят.

Ничего не случилось. Покуда не жгли синагог
И осколками не перемачивали мостовые.
Это будет потом. Только Рейн из своих берегов
Не выходит от ужаса даже и в сороковые.

Ничего не случилось. Ещё не пора уезжать.
Только дети со страхом в глазах собираются в школу,
Только камень в руке у подростка так крепко зажат,
Что им кажется, будто бы мир на кусочки расколот.

Ничего не случилось. Пока лишь трепещет ноябрь,
И рассвет ещё розов, и вовсе не холоден ветер.
Ты сидишь у камина, и трубка чуть тлеет твоя.
Отчего же так сердце стучит? Ты не в силах ответить.

...Это будет реальность, а вовсе не горестный миф,
Что бы там по прошествии лет ни назвали причиной.
Только сердце стучало, а трубка дымилась, горчила,
Только солнце чуть хмурилось, горько взирая на мир,
Где ещё ничего, ну почти ничего не случилось...

ЛЬВОВСКОЕ ГЕТТО

Спи, сестра моя. Камень, подушка ли,
Вязь из толстых дубовых корней...
Радость – ковшиком, горечь – кадушками
Измерять при весенней луне

Научились мы. Спи же, сестра моя,
Сберегай свой полуденный пыл.
Твои губы светились кораллами,
А теперь посерели, как пыль.

Спи, сестра моя. Пеплом покроется
Та земля, что навек нам дана.
В этом пепле бессмертном укрой лицо,
В пепле проклятом, в ночи без сна.

Спи, сестра моя. Здесь погубили нас.
В небесах совершая свой бал,
Звёзды падают вниз в изобилии,
Но желаний на мертвых губах
Не прочесть...

Этот город закутался в вечер, как в плащ,
В решето продурявленный точками звёзд,
Но зато тёмно-синий: и, точно игла,
Телевышка его протыкает насквозь;

Этот город простужен, он словно охрип,
Зычным криком гоняя стада воронья;
Как солдаты, расколотые фонари
Вдоль темнеющих улиц дозором стоят;

Перебравшие улочки криво бредут
От окраины – к плавным изгибам реки;
И поют: «Ой, мороз, не морозь...» – на ходу,
По домам разбредаясь, ветра-рыбаки;

В запылённых домах, из которых сбежать
Слишком поздно, последние звуки умрут –
И останется только топтаться, дрожа,
На забытых углах, на промозглом ветру;

В этом городе каждую новую ночь
Отличить невозможно от бывшей вчера;
Каждый день в этом городе – точно больной;
Каждый вечер, как только приходит пора,

Тащишь мысли свои, как заморенный мул
Тяжкий груз волочёт, по дорожкам меж лип...
Никогда не смогу объяснить, почему
Этот город мне кажется центром Земли.

ПАМЯТИ ИОСИФА ШТЕРНА

Не трудно дышать по-иному, и вовсе не горько
Завязывать душу мятежную крепким узлом,
Коль, стоя в последнем дозоре на мшистом пригорке,
Ты видишь врага и не в силах исчислить число.

Не больно вдыхать окровавленный воздух и губы
Закусывать, чувствуя привкус беды и золы,
Коль вечность становится днём, что бесстрастно погублен,
Коль руки убитых друзей по сю пору теплы.

Ведь ты не посмотришь назад, и не нужно, не стоит
Ни мига из жарких последних мгновений терять.
Кто умер достойно – лишь тот этой жизни достоин,
А горькие думы и слёзы оставь матерям.

Однажды поглядят младенца по кудрям пшеничным
И, слёзы смахнув, нарекут. Имя будет твоим...
Ты – стражник земли, твое тело – как столб пограничный,
И пусть ты последний – покуда ты жив, ты стоишь.

Как целое небо охватит свечение кометы,
Так душу твою переполнит последний азарт...
И, прежде чем веки падут на зрачки, как монеты,
Линялое небо, вздыхая, посмотрит в глаза.

Трепетный день на ладонях. С утра
В электропоезде глухо, как в танке.
Мы безутешны, как нежность. Британка
Горьким смешком разбивает экран,

Чтобы прорваться, протиснуться чтобы
В нашу компанию горестных лиц,
Но безуспешно. А мы прилегли
В жажде уснуть на плече, а не то бы

Нечто свершилось. Заманчивый день,
Солнцем сквозь стекла ласкающий лица,
Шепчет на ушко: «Столица, столица»,—
Чтоб пробудить нас неведомо где

Бог весть когда, и пропажа перчаток,
Сумочки, денег, надежды, любви
Нам не кладет на анфас отпечаток
(Ибо нам нечего больше ловить)
Чувства вины и бесчувствия вин.

Зайцы бегут по вагону. Конечно,
С топотом, с гамом летим до конечной.
Хочешь, не хочешь – пора. Выбирай
Стансы на станциях. Прибыли. Рай.

Вечер создан, чтоб выйти с порога
И смущеньем туман разрезать.
Забываешь смотреть на дорогу:
Вместо этого смотришь в глаза.

Вечер выдуман для остановок,
Где стоишь, поправляя свой шарф,
И спустя лишь мгновение, снова
Забываешь, как надо дышать.

А ещё вечер создан для неба,
Над которым созвездья сплелись –
И едва лишь подумаешь: «Мне бы...» –
Как звезда достигает земли.

И ещё (словно ставишь на тотал,
Словно просишь себя: «Не проснись!») –
В этот вечер неясное что-то
Солнцем светится между ресниц.

Когда остаёшься один на один
С рассветом и кружкой остывшего чая
(С которой так много рассветов встречали
Под тоненькой тенью от старых гардин),

Когда потухают вокруг фонари,
Когда невозможно уйти – и тем паче,
Как будто живую, не выбросить пачку,
До фильтра последнюю боль докурив,

Когда только память, что рвётся из рук
Мечтой, журавлём и хрустальным бокалом
Останется прежней, что вечно сверкала
Звездой (исчезая, однако, к утру),

Когда даже тени лишаются форм,
Когда даже лампочка перегорает,
Когда только миг до последнего края –
Тогда остаётся возможность вторая:
Я тоже не сплю. Набирай телефон.

Ряд окопов, как будто прожилки.
Всем известно: не близок покой.
Городок меж полей над рекой
Покидают отряды чужие.

И встречает бездомная осень
Тихих женщин на скорбных полях,
И, пока не промерзла земля
(Они этого только и просят),

Можно выйти тихонько за город
И, не помня сегодняшних дат,
Хоронить неизвестных солдат,
Пряча в горе нетленное горе.

Хоть последние стоптаны боты,
Ни за что не утихнет запал.
Слишком мало и сил, и лопат,
Слишком много упорной работы.

По земле расстилается иней,
И над каждым из брошенных тел
Точно свечки горят в темноте
На полях, что остались за ними...

Никаких изменений от вечера и до утра,
Только кровь остывает неволью в расширенных венах,
Только небо намного серее, чем было вчера,
Точно знает, чего ожидать от ввалившихся в Вену.

А на улицах дамы по-прежнему в длинных плащах,
И по-прежнему лёгкие шарфы беспомощно реют,
И на ветках по-прежнему взбалмошно птицы трещат,
И цветы расцветают в разбуженных оранжереях.

В венской опере вечером будет, бесспорно, концерт.
Постоянных поклонников вновь узнаваемы лица.
И, конечно же, будут букеты, но после, в конце
Беспокойных аккордов, готовых с овацией слиться.

И промчится над залом тревожный еврейский мотив,
И ни разу не дрогнут смычки в исхудавших ладонях,
И пришедшим за ними никто не позволит войти
В этот мир, поселившийся на нотном стане продольном.

Они знают, что скрипки назавтра у них отберут
И отправят друг другу вдогонку – к еврейскому раю,
Только это потом, только срок истекает к утру,
А сегодня они ошалело и жадно играют.

Что ж останется им, когда смерть на своем поводке
Поведёт за собой в обреченность, в бессилье, в безверье?
Только собранный за день безумный еврейский оркестр
Да последний концерт, заглушающий топот за дверью.

Перелистывать встречи, обдумывать каждое слово,
Пересчитывать даты от нечего делать со стилиа на стилиа
И силки расставлять, ощущая себя птицеловом,
Зажимая до дрожи последнее просо в горсти,

Убегать не спеша, возвращаться с поспешностью зверя,
Исправлять оговорки, ошибки, стирать отпечатки,
Убеждая себя в невозможности думать и верить,
Каблуками привычно отстукивать марш по брусчатке.

И неведомо, можно ли заново, можно ли впредь
Научиться дышать, не оглядываясь на прохожих,
И не прятать себя за ресницами, словно в норе,
От того, что напрасно покажется мне непохожим

На повторный бросок в невозможную пропасть волны,
На последний ответ (хоть вопрос остаётся за кадром),
На безлунную ночь, где безжалостно плачут цикады
По реке, на которой мосты навсегда сожжены.

И, конечно, надеяться поздно (и зря) на авось
И на бога с чертями, и что-то доказывать им,
Ведь столбняк вызывает не только заржавленный гвоздь,
Но и встречаемые лица, что сходны чертами с твоим.

Мы всегда возвращаемся. Радость улыбки слизнув
В поцелуе бестрепетном, в горечи быстротекущей,
Мы всегда возвращаемся – в ад или в райские кущи,
Но всегда так привычно, как будто отходим ко сну.

Мы всегда возвращаемся. Дома приветствуют нас
Зачастую, увы, лишь дома, лишь бесстрастные стены,
Или вовсе пустырь. Измененья во всем, мы не те, но
Так хотелось бы видеть привычное в проеме окна!

Мы всегда возвращаемся, в поисках счастья и слез,
Так хотелось – и мы возвращаемся, как бумеранги.
Наша память расставила прошлое строго по рангу,
Превратив наш возврат в безопасный простой перелёт.

Что бы мы ни твердили в попытке избегнуть креста
Нашей собственной памяти, вечного круговорота –
Мы всегда возвращаемся к тем же закрытым воротам,
Мы всегда в непогоду лелеем всё тот же сустав.

Никогда не хотелось жить жизнью, простой, как устав,
Но хотелось бы видеть привычное и в перемене,
Ибо мы возвращаемся, с горечью или сомнением,
Но всегда возвращаемся к проклятым нами местам.

Подготовьте хвалебные речи,
Ибо должен в любой кутерьме
Быть фанфарами звонкими встречен
Всякий, кто приземлится сумел;

Им и почести, им и кортеж – но
Среди астрономических карт
Оживаешь сияньем мятежным
Ты – влюбившийся в Солнце Икар;

Да и толку им в этой повозке,
Если в день, догоревший дотла,
Даже каждая капелька воска
С твоего покатилась крыла;

Если твёрдое, будто бы камень,
В этот день и во всякий иной
Твоё имя звенит облаками,
Твоё имя поёт тишиной?